

УДК 94 574, 355 (574):639.1

РОЛЬ ОХОТЫ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Ошанов Н.З., Нугман Б.Г.

*Карагандинский государственный технический университет, Караганда,
e-mail: noshanov@mail.ru, bak9584@yandex.ru*

Роль облавной охоты в жизни древних и средневековых кочевников евразийских степей была очень велика и далеко неоднозначна. Давно подмеченное исследователями сходство облавы с репетицией военных действий – только часть ее смысла. Сочетание кочевничества и охоты стимулировало создание традиционной военной организации номадов. Участие в охоте способствовало сближению и росту самосознания воинно-охотников, их сплочению перед вызовами внешних факторов, консолидации разноплеменного общества в единое целое. Это размывало рамки родового и племенного мышления, способствуя появлению у номадов политического единения в противовес центробежным родоплеменным традициям, способствуя укреплению государства.

Ключевые слова: кочевники, охота, Евразия, номадизм, военно-политическая жизнь

ROLE OF HUNTING IN A MILITARY AND POLITICAL LIFE OF NOMADS OF EURASIAN STEPPES

Oshanov N.Z., Nugman B.G.

Karaganda State Technical University, Karaganda, e-mail: noshanov@mail.ru, bak9584@yandex.ru

Role of battue hunting in a military and political life of nomads of Eurasian steppes was great. The combination of nomads and hunting stimulated the creation of traditional military organization of nomads. The participation in hunting helped for familiarity and growth of self-consciousness of hunter-warrior, growth of rallying before externalities, consolidation of mingled society and organic whole. It cleared tribal thinking, helped in appearance 'nomads' political union to counterweight centrifugal tribal traditions, contributing to the strengthening of the state.

Keywords: nomads, hunting, Eurasia, nomadism, military and political life

Кочевая, степная цивилизация еще не получила достойного места в изучении их вклада в мировую сокровищницу культуры. Предлагаем рассмотреть одну из важнейших элементов номадизма – охоту. С момента зарождения человеческого социума охота занимала ключевое место в жизни и культуре различных этносов. Особенную значимость она имела и у кочевых и Евразии. Охота веками сохраняла много архаичных традиций, уходивших корнями в глубокую древность. С развитием производящего хозяйства, более важная роль у древних обществ начинает отводиться продуктам земледелия. В начале 2 тысячелетия до н.э. в евразийских степях происходит постепенный переход к отгонному и кочевому скотоводству. Охота в это время выступает не только как дополнительный продукт питания, но и становится одним из главных занятий по подготовке молодого поколения к взрослой военной жизни. Не стоит забывать и о том, что в рацион питания кочевников, наряду с различными видами молочных продуктов и мясом животных, входили также охотничья добыча, продукты земледельческого хозяйства и собирательства. [1, с. 16–17]. Говоря о роли охоты с использованием лошади, необходимо отметить, что этому в первую очередь способствовало развитие коневодства. По мнению ученого

Зайберта В.Ф., Нурумовой Т.М. родиной коневодства и начальной domestikации лошадей являются степные районы Заволжья и Казахстана. Со времени энеолита, то есть с 5-го тысячелетия до н.э. охотничьи племена, освоив повадки, приучили лошадей к верховой езде. Только племена с охотничьим укладом жизни, при наличии в среде диких лошадей, могли приучить и освоить коневодство. Кляшторный С.Г. считает, – «Что культура эпохи бронзы – культура коневодов». Наилучшая приспособленность лошадей к природно-климатическим условиям Евразийских степей привело к развитию коневодства и вместе с этим к кочевничеству, как особому типу производящего хозяйства. «Использование лошади... привело к тому, что человек оторвался от привычной почвы, ему открылись дали и свобода передвижения», считает Карл Ясперс. Номадизм – это особый военный образ жизни. Комплекс качеств настоящего номада-степняка можно обрисовать термином «охотник-кочевник-воин».

Таким образом, охота была главным подспорьем в подготовке будущих воинов.

В особенности это касается промысловой загонной и облавной охоты, сохранявшей заметную роль в системе занятий кочевого населения степного и лесостепного пояса. Древние и средневековые кочевни-

ки практиковали как индивидуальную, так и коллективную загонную охоту, прежде всего на диких парнокопытных животных. Для тюркских кочевых народов, жителей Дешт-и-Кыпчака, охота (аңшылык) была одним из необходимых и основных занятий. Особенности охотничьих промыслов в этом регионе были во многом обусловлены спецификой географической среды степной природы. Особое внимание придавалось подготовке охотничьей лошади, иногда двух-трех.

Кочевники выработали оптимальные приемы загонной охоты на большие стада животных [1, с. 16–17]. Для подрастающего поколения такие охоты становились лучшей школой батырства. В истории сохранилось немало свидетельств этому. Иногда юноше приходилось вступать на поединок с тигром, медведем или раненым вепрем. По степной легенде раненый жеребец кулана, бросился на «великого воина», старшего сына Чингисхана, Джучи и смертельно ранил его. Именно на охоте молодежь могла отличиться и показать свою удаль и мастерство. В 12–4 лет юноши становились полноправными охотниками, и в то же время они вступал и на военное поприще. Находчивость и решительность поощрялись бывальыми воинами, и отличившиеся юноши получали особое признание. У казахов бывалые батыры обучали молодежь военному искусству и самое главное, сохранять боевой дух в критических моментах.

Многие исследователи отмечают важность проведения загонных охот для общественной жизни кочевых народов, особенно для отработки военных действий [1, с. 17–18; 2, с. 3–35; 3, с. 19–29; 4, с. 69–70].

Попытаемся вскрыть социально-политическую сторону этого важного для кочевых народов явления и, обратимся к истокам загонной охоты.

Принцип загонной охоты сформировался у далеких предков еще в каменном веке, и сочетал в себе два обязательных условия:

1-массовость, сравнительно большое количество участников охоты, что объясняется, многочисленностью добычи – стада копытных животных, против которых действия отдельного охотника были неэффективны;

2-высокая степень организованности всех участников облавной охоты.

Огромное поголовье стад – объектов охоты, и непредсказуемое поведение животных в момент опасности, требовали большого количества охотников и их высокой координации. Не стоит также забывать, что конечной целью любой охоты является уничтожение наибольшего количества жи-

вотных с приложением минимальных затрат энергии и усилий. От уровня слаженности действий участников зависел успех облавной охоты, иногда это было даже вопросом выживания рода или племени, в определенное время (сезон). Таким образом, основой загонной охоты было применение многочисленной, хорошо организованной, вооруженной силы для максимально эффективно уничтожения добычи.

Согласно письменным источникам, традиционному кочевому скотоводству постоянно сопутствует облавная охота: «... по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевой охотой и тем пропитываются», «следуя за травой и водой, занимаются звероловством», «временами собираются для охоты, по окончании охоты расходятся», «они (хунны) в нескольких десятках тысяч конницы занимались охотой». Поэтому нетрудно убедиться, что облавная охота имела для кочевых народов перво-степенное значение. Сохранялись и развивались ее приемы, что прослеживается по многим историческим и сравнительно-этнографическим источникам. Уникальные бурятские материалы (работы М.Н. Хангалова и С.Г. Жамбаловой [5, 6] дают возможность провести реконструкцию принципиальной модели облавы, всеобщей для кочевых народов Центрально-Азиатского региона. Облавная охота имела огромное значение в их жизни и представляла собой хорошо разработанный общественный институт с развитой системой социальных отношений.

Облавная и загонная охота, как пешая, так и верховая, характерны для лесостепной и степной зон. На Евразийском материке эти зоны расположены как раз в районах дислокации кочевых и полукочевых народов, издревле населявших степные территории. Облавная охота требует особых принципов организации, структуры и количества участников. Для сравнительной характеристики приведем описание облавы Г. Рубруком. Он писал: «Когда они (кочевники) хотят охотиться, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы» [7, с. 99]. Как видно из описания, главная особенность облавы – обложение зверей кругом, сужение этого круга и добыча зверя. Такой способ охоты требовал огромного количества участников.

Даже при поверхностном рассмотрении процесса загонной охоты кочевых народов бросается в глаза их отношение к животным (объектам охоты) как к серьезной силе – групп-

ному, сильному объединению. Окруженные животные были для охотников страшной силой. Целое стадо разъяренных животных и зверей в безысходности и иступлении иногда бросались на людей. Охотники стремились дезорганизовать эту противостоящую им «силу», направить в нужное место и окружить с последующим уничтожением. Промысловых животных рассматривали как военного противника. С этой идеей связаны все аспекты организации и проведения больших охот у кочевников. В итоге охота выливается в массовое военизированное мероприятие, к которому относились со всей строгостью и тщательностью. Причинами такого понимания процесса облавы следует считать следующие факторы:

– ответственное отношение к охоте как добыче средств существования коллектива. Этим объясняется ее серьезное, четкое планирование, направленное на обеспечение максимальной эффективности;

– особенности объекта охоты – большие стада животных требовали применения значительных людских сил и хорошей организации процесса;

– загон большого стада был хорошим практическим методом отработки классических военных приемов кочевников.

Облавная охота была своеобразной репетицией боевых действий, которыеномадам приходилось вести очень часто в условиях почти постоянной военной напряженности. Учтем также и большую степень «военизированности» традиционного кочевого общества, в условиях так называемой «поголовной вооруженности». А. Тасбулатов и К. Аманжолов отмечают: «Население степей, по существу, представляло собой вооруженную массу людей» [8, с. 56].

Таким образом, облавные охоты были в кочевых обществах полноценной заменой военных учений. Состав, численность, подразделения, вооружение облавщиков и армии были одинаковы, то есть практически охотник был одновременно воином, а охотничье сообщество адекватно представляется сформированной и боеспособной военной дружиной. Следует признать справедливыми слова М.Н. Хангалова: «Как указывают старинные народные предания... воинственные шаманы-начальники часто превращали охоту в военный набег и нападали на другие враждебные племена...» «Каждую зэгэтэ-аба можно представлять не только артелью охотников, а военным отрядом... Нередко, может быть, зэгэтэ-аба устраивались исключительно с военной целью» [5]. Во время охоты все участники использовали для передачи информации условные знаки: крики птиц, вой волков, ры-

чанье тигров, тьяканье лис, и т.д., которые как знаки пароля были нужны, чтобы не вспугнуть животных, происходит слияние с природой, ибо каждый знал о дальнейшем поступке и движении товарища. Подобный, «немой» порядок командования, без использования голосовых команд, использовали и монгольские войска [10, с. 99, 113].

Итак, на основании вышеизложенного можно с большой долей уверенности выделить три основных социально значимых аспекта облавной охоты у кочевников евразийских степей:

1. Военный. Облава была почти точной копией своего рода «репетицией» реальных боевых действий войска номадов. Все ее участники являлись воинами, членами конкретных боевых единиц и подразделений, и под руководством своих же боевых командиров проводили облаву подобно тактической военной операции. Известно, что Чингисхан жестоко карал участников облавной охоты, если они выпускали из цепи окружения загнанных диких животных. Наказание было равносильно невыполнению боевой задачи в период сражений, до смертной казни [10, с. 94].

2. Социально-политический, тесно связанный с первым. Присутствие на охоте верховного правителя (хана), членов его семьи и высших военачальников было официальной демонстрацией его силы и могущества перед подданными. Непосредственное руководство облавой, участие в ней наряду с рядовыми кочевниками и право на начало уничтожения добычи показывало правителя неотъемлемой частью народа. Он становился главой и предводителем, ведущим к победе над противником руководя как бы настоящим сражением. Будучи вместе с коллективом и в то же время отделенными от него высотой своей власти, вождь и его окружение приобретали в глазах простых номадов истинное величие, как правители народа. Это также способствовало осознанию себя, участников большой охоты – членов различных родов и племен – представителями единого социума. Участие в охоте только тех, кто мог обеспечить себя нужным количеством лошадей и оружия, подчеркивало общественный статус воинов-охотников как ведущей прослойки общества.

3. Сакральный – «победа» над большим количеством добычи была священной предвестницей победы над настоящим врагом. Привлечение к охоте почитаемых шаманов и жрецов, благословлявших воинов-охотников на успех, оказывало на номадов мощное положительное психологическое воздействие. Шаманы заставляли кочевников осознать свою мощь, усиливая слияние

между отдельными элементами родоплеменного общества, помогали преодолеть племенной сепаратизм. Интересный аспект облавных охот у кочевников связан также с ролью в них верховного руководителя (старейшины, вождя, хана и др.). Он должен был управлять всем процессом облавы, подобно тому, как верховный полководец управлял битвой. Т. Алланиязов отмечает: «Охотой распоряжался со всей полнотой власти вождь племени. Существенно важно, что на войне он играл роль полководца [1, с. 16]». В обоих случаях мы наблюдаем человека, руководящего уничтожением противостоящей своему народу или племени внешней силы. Таким образом, роль «вождя» сводится к регуляции внешних отношений. Налицо совпадение функций этих предводителей с функциями военного вождя в традиционном обществе, о чем писали еще Л. Морган и Ф. Энгельс. Должность вождя – военного предводителя – была непостоянной, ситуативной, зависящей от особенностей внешнеполитической обстановки. «Военный вождь мог приказывать что-либо лишь во время военных походов» [11, с. 97]. Очевидно, что руководство внешней политикой коллектива и было прерогативой военного вождя, а в условиях дисперсного хозяйства кочевого общества подобная тенденция имела место и у кочевников евразийских степей. Даже полномочия ханов кочевых государств в значительной мере носили внешнеполитический характер. Главной обязанностью хана у казахов была вооруженная охрана страны от внешних врагов [8, с. 51]. Ф. Энгельс пишет, что верховное должностное лицо, обладающее исполнительной властью, появилось «в большинстве случаев, если не везде, в результате развития власти верховного воен-

ачальника» [11, с. 105]. Непосредственное участие правителя в облаве, военном учении, как бы подчеркивало его значимость в регуляции военных конфликтов.

Демонстрация силы и могущества верховного правителя и его приближенных на охоте как способ сохранения традиций почтения кочевых правителей и мощное идеологическое воздействие на подданных, связанное с участием в охоте шаманов и жрецов. Изложенные материалы указывают на наличие некоторых мало раскрытых аспектов изучения механизмов социальных отношений в кочевых обществах и подчеркивают необходимость дальнейшего исследования такого характера, как особенно важных для отечественной исторической науки.

Список литературы

1. Алланиязов Т.К. Военное дело кочевников Казахстана. – Алматы, 1998. – 140 с.
2. Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. – Горно-Алтайск, 1992. – 116 с.
3. Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Ученые записки Ташкентского педагогического учительского института им. Низами. Сер. обществ. наук. – Ташкент, 1947. – Вып. 2. – С. 15–32.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1993. – 527 с.
5. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. I, Улан-Удэ, 1958. – 551 с.
6. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск, 1991. – 175 с.
7. Карпини П., Рубрук Г. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 287 с.
8. Тасбулатов А., Аманжолов К. Военная история Казахстана. Очерки. Алматы, 1998. – 176 с.
9. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII вв. – Алматы. Дайк-Пресс, 2001. – 182 с.
10. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV веков. – Алма-Ата, 1992. – 272 с.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1985. – 238 с.